

Научная статья

УДК 398.22:82-131:821.161.1

DOI 10.25587/2782-4861-2026-1-147-159

ТРАНСФОРМАЦИЯ БЫЛИННОГО ОБРАЗА ИЛЬИ МУРОМЦА В СТИХОТВОРЕНИИ А. К. ТОЛСТОГО

А. В. Захаркин

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

e-mail: zaharkin2000@inbox.ru

Аннотация. Предметом анализа предлагаемой статьи является балладное стихотворение А. К. Толстого «Илья Муромец», опубликованное в журнале «Русский вестник» в 1871 г. Произведение рассматривается в историко-литературном контексте. В статье исследуется процесс трансформации традиционного образа русского богатыря Ильи Муромца в одноименном стихотворении А. К. Толстого. Основу работы составляют сравнительно-сопоставительный анализ значимых произведений русского эпоса, относящихся к киевскому циклу былин о бунте против князя Владимира («Илья Муромец и голи кабацкие», «Никита Заолешанин», «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» и др.); изучение специфических поэтических приемов, использованных автором для иллюстрации иного осмысления традиционных образов и мотивов народного эпоса. Стихотворение строится на основе традиционных былинных мотивов, однако Толстым используются новаторские приемы, подчеркивающие внутренние переживания главного героя и раскрывающие трансформацию аутентичного духа. Поэт отказывается от простого переложения народных текстов, создавая глубокий психологический портрет Ильи Муромца, обладающего рядом личностных качеств простого человека: свободолюбием, прямоотой, чувством собственного достоинства и нежеланием мириться с несправедливостью. Образ богатыря становится импульсом для обращения автора к важнейшей теме конфликта между властью и народом, усилившейся в период написания стихотворения. Тема взаимоотношений власти и народа является одной из ключевых и постоянно возникающих в произведениях русской классики. В стихотворении А. К. Толстого косвенно прослеживаются автобиографические мотивы, которые проявляются в авторском отношении к главной теме и центральным героям произведения. Лейтмотив отражает общественные взгляды и настроения, сформировавшиеся в эпоху кризиса и обострения социальных противоречий в России второй половины XIX в. Цель исследования заключается в анализе художественных методов А. К. Толстого, позволивших, используя дух традиционной устной эпической поэзии, отразить изменения в восприятии народного героя в рамках культурного контекста XIX столетия. Статья подробно иллюстрирует, каким образом творческий подход Толстого характеризует понимание роли народного героя в современном обществе. А. К. Толстой, находясь под влиянием исторического времени и особенностей эпохи, трансформирует традиционные былинные образы и мотивы, наполняя их новыми смыслами, актуальными и значимыми для его времени.

Ключевые слова: эпос народный; поэзия XIX века; А. К. Толстой; богатырь; Илья Муромец; трансформация; былины; традиция; конфликт; поэтика; русский фольклор

Для цитирования: Захаркин А. В. Трансформация былинного образа Ильи Муромца в стихотворении А. К. Толстого. *Эпосоведение*. 2026;1(41):147–159. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-1-147-159>

Original article

Transformation of the epic image of Ilya Muromets in a poem by A. K. Tolstoy

Alexandr V. Zakharkin

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
e-mail: zaharkin2000@inbox.ru

Abstract. The subject of the analysis of the proposed article is the ballad poem by A. K. Tolstoy “Ilya Muromets”, published in the journal “Russian Herald” in 1871. The poem is examined in a historical and literary context. The article examines the process of transformation of the traditional image of the Russian epic hero Ilya Muromets in the poem of the same name by A. K. Tolstoy. The work is based on a comparative analysis of significant works of the Russian epic related to the Kiev cycle of epics about the rebellion against Prince Vladimir (“Ilya Muromets and the tavern boys”, “Nikita Zaoleshanin”, “The quarrel between Ilya Muromets and Prince Vladimir”, etc.); the study of specific poetic techniques used by the author to illustrate a different interpretation of traditional images and motifs of the folk epic. The poem is based on traditional epic motifs, but Tolstoy uses innovative techniques to emphasize the inner feelings of the main character and to reveal the transformation of an authentic spirit. The poet rejects the simple adaptation of folk texts, creating a deep psychological portrait of Ilya Muromets, who possesses a number of personal qualities of an ordinary person: freedom loving, straightforward, with a sense of self-respect, and unwilling to accept injustice. The image of the hero becomes an impetus for the author to address the crucial theme of the conflict between the government and the people, which intensified during the period when the poem was written. The theme of the relationship between government and the people is one of the key and constantly emerging themes in the works of Russian classics. The Tolstoy’s poem indirectly traces the autobiographical motifs that manifest themselves in the author’s attitude to the main theme and the main characters of the work. The main leitmotif reflects the public views and moods formed during the era of crisis and aggravation of social contradictions in Russia in the second half of the 19th century. The purpose of the study was to analyze the artistic methods of Tolstoy, which made it possible, using the spirit of traditional oral epic poetry, to reflect changes in the perception of the folk hero within the cultural context of the 19th century. The article provides a detailed illustration of how Tolstoy’s creative approach characterizes the understanding of the role of the folk hero in modern society. Tolstoy, being influenced by historical time and the peculiarities of the era, transforms traditional epic images and motifs, filling them with new meanings relevant and significant for his time.

Keywords: folk epic; 19th century poetry; A. K. Tolstoy; hero; Ilya Muromets; transformation; epics; tradition; conflict; poetics; Russian folklore

For citation: Zakharkin, A.V. Transformation of the epic image of Ilya Muromets in a poem by A. K. Tolstoy. *Eposovedenie*. 2026;1(41):147–159 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-1-147-159>

Введение

Образ народного героя как символ силы, справедливости, нравственности занимал важное место в сознании русского общества на протяжении всей истории. Многие писатели и поэты неоднократно обращались к образу богатырей, ставших воплощением идеалов доблести, мужества и защиты Родины («Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные, и прочие оставшиеся через пересказывание в памяти приключения» 1780–1783 гг. В. А. Левшина; «Новгородский богатырь Боеславович» 1786 г. Екатерины II; «Добрыня» 1804 г. Г. Р. Державина; «Илья Богатырь» 1807 г. И. А. Крылова; «Богатырь Алеша Попович» 1814 г. В. А. Жуковского; «Повесть о том, как Садко богатый был в гостях у царя морского» 1836 г. Н. Я. Прокоповича; «Ильяда, или Песни об Илье Муромце» 1867 г. Н. И. Аллябьева и др.)

Ярким примером подобного интереса стал образ Ильи Муромца, который привлекает внимание исследователей по сей день [1].

Одним из первых авторов, *обратившихся к образу Ильи Муромца* в литературном произведении, был Николай Михайлович Карамзин. В 1794 г. он начал трудиться над созданием богатырской сказки «Илья Муромец», которая так и не была окончена. Несмотря на это, сам факт обращения и начала работы свидетельствует о глубоком интересе писателя к былинному герою. Карамзин придавал большое значение форме изложения, отмечая использование особого размера, соответствующего народным жанрам: «В рассуждении меры скажу, что она совершенно русская. Почти все наши старинные песни сочинены такими стихами» [2, с. 45].

Стремление к аутентичности отражает направление русской литературы конца XVIII – начала XIX в., ориентированное на изучение национальных корней и обращение к фольклору как источнику вдохновения.

Особое внимание писателей привлекала история о конфликте князя и богатыря. Эта сюжетная линия нашла свое отражение и в творчестве А. К. Толстого. Сюжет былины о ссоре Ильи Муромца с Владимиром Святославичем имеет множество вариантов. Алексей Константинович Толстой останавливает свой выбор на отдельных мотивах из текстов былин и синтезирует их разные варианты в своем стихотворении. Произведение датируется 1871 г.

«Илья Муромец» А. К. Толстого в историко-литературном контексте

На рубеже 60–70-х гг. XIX в. Россия переживала серьезные перемены, обусловленные усилением социальных противоречий и растущим беспокойством о положении простых людей. Формируется идеология народничества, в которой идеализировалась крестьянская община и народный характер. В таком социально-культурном контексте особенно актуальным становится интерес к конфликту между властью и народом.

А. К. Толстой создает ряд балладных стихотворений, в рамках которых осуществляется художественное переосмысление традиционных образов и мотивов русского героического эпоса. Нередко автор использует приемы иронической интерпретации и сатирической критики, что особенно ярко проявляется в балладах «Богатырь» [3, с. 144–148], «Змей Тугарин» [3, с. 163–168], «Поток-богатырь» [3, с. 199–205], «Илья Муромец» [3, с. 212–214] и др.

В 1870-е гг., после публикации «Ильи Муромца» А. К. Толстого, появляются новые переложения былин о ссоре богатыря с Владимиром: «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» В. П. Буренина, «Как Илья Муромец с князем поссорился» Н. В. Симбирского. Критиками было отмечено, что их тексты хоть и были ближе к источникам, но «не отличались художественными достоинствами» [3, с. 605]. А. К. Толстой поэтизирует былинного героя, наделяет его чертами вольнолюбия и добродушия, создает пейзажные детали, позволяющие прочувствовать красоту и гармонию природы. В. В. Марков писал, что в «Илье Муромце» «свобода творчества соединяется с верным воспроизведением духа старины; это не из тех рифмованных переложений былинного стиха, какие довольно часто попадают в нашей литературе в последнее время, – переложений мало полезных и представляющих большую частью неловкий пересказ подлинника»¹. В то же время в адрес А. К. Толстого поступали обвинения в том, что он «искажил дух былин» [4, с. 544]. Поэт использует «былинный дух», наполняя его новым содержанием, наделяя образ Ильи несвойственными эпосу качествами, с целью создания сатирического изображения представителей власти.

Внимание А. К. Толстого неслучайно привлечено к ссоре народного любимца Ильи Муромца с князем. Взгляд поэта отражает идейные воззрения его современников. Этот художественный интерес показывает народные волнения, нарастающие в обществе. Сюжет противостояния власти и народа, широко представленный в былинах, глубоко укоренился в народной памяти. Проблема взаимоотношений правителя и простого человека становится центральной в размышлениях А. К. Толстого в условиях социальной напряженности и тревоги относительно судеб обычных людей.

¹ Марков В.В. Литературная летопись // Санкт-Петербургские ведомости. 1876. 22 мая. № 140. С. 2.

Образ Ильи Муромца в осмыслении А. К. Толстого

В основе сюжета стихотворения основанное на традиционном былинном сюжете воспоминание богатыря о его ссоре с Владимиром. Ведущий конфликт былины о противоречиях между Муромцем и князем стал для поэта серьезным импульсом, позволившим раскрыть внутренний мир богатыря, столкнувшегося с несправедливостью. Эпизод, характеризующий противоречия героев, дает возможность автору раскрыть переживания Ильи, нетипичные традиционным былинным сюжетам. Творческий подход поэта позволил обогатить психологическое содержание конфликта. Автор существенно ослабляет характерологические особенности внутреннего мира героя былинного эпоса, наделяя традиционный облик индивидуальной психологией: несправедливая обида, нанесенная лично богатырю. В рассматриваемом стихотворении внутренние переживания Ильи соотносятся с состоянием *простого человека* (гордыня, вызванная неуважением со стороны власти досада, гнев), его чувства выходят на передний план повествования. Таким образом Толстой создает уникальный психологический портрет, позволяя проникнуть в душу героя и увидеть эмоции обычного человека, задетого несправедливостью. Состояние толстовского богатыря отражает настроение русской интеллигенции конца XIX в.

Важнейшим элементом композиции былин является путешествие, поездка богатыря. В эпических произведениях появляется образ пути-дороги, связанный со странствием и поиском. Стихотворение А. К. Толстого учитывает народную традицию и строится на типичном былинном мотиве: герой также отправляется в путь после пира, ставшего причиной конфликта, из стольного града Киева.

В произведении Толстого важную роль играет образ лирического героя, выражающий настроение самого автора. Он демонстрирует симпатию к герою, что совпадает с отношением поэта, который говорит о нем с нежностью и в то же время с иронией, называя его «дедушкой Ильей». Характеристика внешности и поведения богатыря имеет особый вес. А. К. Толстой описывает его сдержанно: Илья представлен в броне «с простым набором», что подчеркивает простоту и непритязательность героя. Это важная деталь, которая нужна Толстому для того, чтобы показать неприхотливость Ильи.

В эпическом тексте «Илья Муромец в ссоре со Владимиром» обличие героя совершенно другое:

Еще старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Скорешенько ставаль онъ на рѣзвѣ ножки,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
Да онъ шапоньку соболью² на одно ушко [5, с. 460].

А. К. Толстой намеренно меняет внешний вид Муромца: его богатырь должен быть в простой справе. В былине «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром», Илья, собираясь на пиршество, куда его не позвали, тоже хочет надеть не простую рубаху, а шубку:

Я поеду-ту топерь да в красен Киев-град,
Я надену, братцы, шубу долгополую [6, с. 191].

Не только внешний облик героя, но и его боевой конь в былинах получает высокохудожественное описание:

Но еще есть у стараго на кони уздечика тесмяная,
И во той-ли во уздечики да во тесмяными
Какъ зашито есть по камешку по яфонту [7, с. 867].

Создавая яркую сатиру на высшее дворянство, Толстой целенаправленно исключает из образа героя и его спутника элементы роскоши и парадности.

В богатырском этикете тщеславие и похвальба осуждались. Илья не красуется:

То не для красы, братцы, не для басы,
Ради крѣпости да богатырскіи [7, с. 867–868].

² Здесь и далее курсив автора статьи

Облик народного любимца, истинного защитника должен быть скромным. Для поэта важно и то, что Илья употребляет в пищу. Былинный герой предпочитает «кус хлеба».

А. К. Толстой мог обратиться к иному лакомству Ильи, фигурирующему в репертуаре исполнителей былин:

Не по многу ѣсть казакъ да Илья Муромецъ:
По три онъ калачика *крупичатыхъ* [8, с. 24].

Деталь, которую использует Толстой, формирует представление о привычках Ильи, символизирующих верность обыденной, простой человеческой жизни.

Во второй строфе появляется новый образ – верный друг, неизменный спутник, соратник Ильи – его конь. Образная аллитерация помогает воспринять могучесть и величественность героя и его товарища:

Едет бором, только слышно,
Как бряцает бронь,
Топчет папоротник пышный
Богатырский конь [9, с. 120].

Благодаря данному стилистическому приему создается звуковой эффект, позволяющий визуализировать силу и уверенность Ильи, усиливается масштабность. Толстой имитирует металлический звон брони и передвижение могучего животного, что добавляет динамику и экспрессивность.

С помощью тщательно отобранных характеристик и деталей поэт представляет портрет идеального русского богатыря, выходца из простого народа. В. Я. Брюсов отмечает: «“Простой наборъ”, “хлѣба кусъ”, “богатырскій конь” – какъ все это къ лицу Ильѣ-Муромцу <...> У Ал. Толстого – тотъ „дѣдушка Илья”, какого знаютъ былины» [10, с. 98]. Такая оценка, данная в период духовного упадка, апостасийную эпоху, служит свидетельством того, что задумка Толстого успешно соответствовала актуальным интересам и духовным запросам современной ему интеллигенции. «Хлеба кус» – одна из значимых художественных деталей, неоднократно используемая А. К. Толстым. Благодаря ей с первой строфы подчеркивается социальное положение и крестьянское происхождение богатыря. Автор отмечает неприхотливость героя, его близость к людям. Использование народной лексики («хлеба кус жуя», «дедушка Илья») усиливает этот мотив, закрепляя «простые» корни:

Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус! [9, с. 120].

А. К. Толстой строит композицию стихотворения на внутреннем монологе центрального персонажа – Ильи Муромца. Начинаясь с третьей строфы и продолжаясь до финальных строф, монолог занимает ключевое место в структуре произведения. С помощью этого приема автор усиливает психологическую глубину характеристики героя, раскрывая его настроение, раздумья, переживания, возникающие во время поездки. Монологическая форма повествования приобретает диалогические мотивы благодаря внутренним рассуждениям Ильи, адресованным коню. Это позволяет поэту психологически тонко раскрыть *личную* обиду: Илья разговаривает со своим конем, он жалуется ему. Глагол «ворчит» создает параллель с ранее введенным образом «дедушки Ильи». Илья сердится на князя, осуждает его поступок, но «ворчание», выходящее своеобразной проработкой чувств, снижает чувство гнева. Трактовка А. К. Толстого формирует многослойный образ горделивого, имеющего уважение к себе героя:

Ну, Владимир, что ж?
Посмотрю я, без Ильи-то
Как ты проживешь? [9, с. 120].

Поэт, обращаясь к теме отношений между богатырем и князем, учитывает народную трактовку взаимоотношений былинного героя и правителя, тонко и иронично воспроизводя ее в стихотворении. Независимость и самостоятельность Ильи черпается из текстов русского эпоса.

Поэт иллюстрирует твердый характер героя, чья приверженность собственным принципам превалирует над зависимостью от княжеского расположения и материальных благ.

Художественный замысел А. К. Толстого направлен на усиление мотива народного происхождения героя. Как известно, Илья Муромец – крестьянский сын. Это находит отражение в стихотворении. Поэт подчеркивает отсутствие материальных амбиций и ориентацию героя на общественные интересы. Значимость народной принадлежности Ильи ярко выражается в противопоставлении княжеского двора и празднеств желаниям богатыря, сознательно отказавшегося от удовольствий. Герой едет служить народу, защищать его, что важно и для сказителя, и для писателя:

Двор мне, княже, твой не диво!
Не пиров держусь! [9, с. 120].

Художественные детали показывают, что Толстой опирается на традицию, связанную с идеей независимости, и раскрывает тему национального характера, особенно актуальную в последние десятилетия XIX века. Поэт подчеркивает в Илье свободолюбие, его нежелание заискивать, унижаться перед властью.

Характеризуя богатыря, поэт неоднократно употребляет по отношению к нему характерный для былин эпитет «старый». Такая деталь, использующаяся в былинах для описания, указывает не на возраст Ильи, а на его статус старшего среди других богатырей. Герой обладает мудростью, имеет авторитет. Согласно традиционным представлениям, лидерство Ильи Муромца определяется не только физической силой, но и высокими моральными качествами. В былинах Киевского цикла Муромец также показан старшим богатырем. В былине «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» («Ай во славном было городи во Киеви...») [6] богатырь характеризуется следующим образом:

У тя тот ли был всё *старая стариньшина*,
Ишше тот ли атаман да Илья Мурамець,
Илья Мурамець был да сын Ивановиць...» [6, с. 192].

Троекратное употребление в былине эпитета «старая стариньшина» подчеркивает лидерство, значимость и авторитет Ильи среди других защитников Родины. Аналогичная традиция прослеживается в другом известном эпическом тексте «Никита Заолешанин» [11], где богатыря именуют «старым казаком» [11, с. 48]. Это свидетельствует о высоком статусе героя.

Эта традиция находит продолжение в характеристике Муромца А. К. Толстого. Повторяющиеся определения указывают на его главенствующее положение среди русских богатырей, основанное на жизненном опыте, богатырской мудрости, однако Толстой к характеристике старшинства добавляет и возрастные особенности («дедушка Илья», «старый Илья», «старый», «старик»).

В стихотворении поэт противопоставляет разные поколения богатырей. Илья обращает внимание на многочисленное количество молодых людей при княжеском дворе, но критично оценивает их поступки, возмущается их поведением и сомневается в их способности добиться побед:

Без меня других довольно:
Сядут – полон стол!
Только лакомы уж больно,
Любят женский пол! [9, с. 121].

Такая критика в сторону других богатырей возможна только у Толстого. Добрыня Никитич, Ставр Годинович, Михайло Потык, Дунай Иванович являлись образцами супружеской верности, не нарушавшими брачных обязательств и не замеченными в связях с иными женщинами. Чурила Пленкович, вступивший в отношения с замужней женщиной, в одном из вариантов поплатился за это жизнью.

Герой А. К. Толстого гордится своими боевыми заслугами, своей богатырской силой и способностью сохранять бодрость духа даже в преклонном возрасте. Он умеет посмеяться над собой. Его самооценка иронична, что видно в противопоставлении молодых богатырей и Ильи:

Тем-то я их боле стою,
Что забыл уж баб,
А как тресну булавою,
Так еще не слаб! [9, с. 121].

Несмотря на уверенность и юмор, Муромец испытывает внутреннюю боль, вызванную неуважением со стороны князя. В душе героя затаилась сильнейшая обида. Герой осознает собственную незаменимость и переживает из-за пренебрежительного отношения:

Все твои богатыри-то,
Значит, молодёжь;
Вот без старого Ильи-то
Как ты проживёшь! [9, с. 121].

Накопленный жизненный опыт и заслуги Муромца позволяют ему рассердиться. А. К. Толстой подчеркивает, что негодование русского богатыря вызвано именно отсутствием уважения к нему. Илье не воздали честь должным образом:

Но обнёс меня ты чарой
В очередь мою [9, с. 121].

При этом поэт намеренно сглаживает глубину противоречий Ильи Муромца и князя, избегая напряжения ситуации. О смягчении конфликта справедливо писал И. Г. Ямпольский: «В образе «неприхотливого мужика» Ильи которому душно при княжеском дворе («Илья Муромец»), нашли свое отражение демократические тенденции народной былины, хотя конфликт между Ильей и Владимиром значительно смягчен» [12, с. 331]. Смягчение конфликта связано и с тем, что обида толстовского героя носит личный характер. В самом распространенном варианте былины «Илья Муромец и голи кабацкие» [13] Илью чуть не погубили в заточении, посадив в погреб:

Посадить его въ погребъ глубокие,
Въ глубокомъ погребѣ да сорока сажень.
Не дать ему не пить не ѣсть да ровно сорокъ дней,
Да пусть онъ помрётъ собака и съ голоду [13, с. 1177].

А. К. Толстой учитывает разные варианты сюжета былины, что соотносится с его собственным пониманием образа героя. В стихотворении мотив обделения героя показывает и то, насколько значимо соблюдение народных традиций.

Для средневековья этикет был очень важен. Строгое следование правилам этикета являлось неотъемлемым условием общественных мероприятий. Мать Добрыни Никитича, видя, что сын сам не свой, спрашивает, не обделили ли его почетом:

Что же ты так невесел стал?
Может, тебя, – говорит, – обнесли чароцкой? [14, с. 299].

В традициях средневековья этикет на пирах соблюдался очень строго. Порядок размещения гостей соответствовал строгой иерархии, определяемой статусом каждого участника. Н. И. Костомаров писал: «Каждый из приглашенных гостей садился в шапке на место, соответствующее своему званию и достоинству» [15, с. 323]. Гостям передавали чару вина в соответствии с их рангом, чином. Этот порядок свидетельствовал об уважении к участникам.

В былине «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» Владимир нарушает устоявшиеся традиции. Илья Муромец открыто заявляет князю об отсутствии должного оказания почета (Неслучайно в одном из вариантов богатырь произносит слова: «Не по чину мѣсто, не по силѣ честь» [11, с. 48]), высказывая недовольство несоблюдением норм гостеприимства и уважения к гостям:

Ты ведь сам ты сидишь, князь, за дубовым столом,
Ты сидишь-то как всё с воронами ты,
Ай миня всё посадил ты с воронятами! [6, с. 192].

Фраза про воронят прослеживается и в «Никите Заолешанине». Обращение с гостями в соответствии с традициями должно было быть нерушимым. Именно поэтому так осерчал Илья, расценив это как серьезное упущение. Добрыня Никитич, распознав Муромца, ставит это князю в укор:

Не умѣлъ ты гостя на приѣздѣ учѣвствовать,
На отъѣздѣ гостя не учѣвствуешь [11, с. 48].

Неуважение к гостю, несоблюдение обычаев ведет к серьезным последствиям. В былине «Илья Муромец в ссоре со Владимиром» Илья принял отсутствие приглашения на пир «за досаду великую»:

И по граду Киеву сталъ онъ похаживать
И на матушки божьи церкви погуливать.
На церквахъ-то онъ кресты вси да повыломалъ,
Маковки онъ золочены вси повыстрѣлялъ [5, с. 458].

Именно восстановление нарушенного ритуала может возратить все на свои места, что наглядно показано в конце этого же варианта былины, где Илье воздают должное уважение:

Твое мѣстечко было да въдъ пониже всихъ,
Топерь мѣстечко за столикомъ повыше всихъ!
Ты садись-ко да за столикъ за дубовый.
<...> Они тутъ с Ильей и помирился [5, с. 460].

Несоблюдение устоявшихся традиций может привести к крупному конфликту. В былине «Никита Заолешанин» герой вступает в схватку со своими соратниками-богатырями после того, как они по приказу князя («Возмите Никиту Заолѣшанина, // *Выкиньте вонъ изъ гридницы!*») [11, с. 47]) пытаются силой заставить покинуть дворец своего товарища:

Сталъ он, Илейко, потѣшиться, –
Сталъ онъ богатырей попихивать:
Богатыри по гридницѣ ползають,
Ни одинъ на ноги не можетъ встать [11, с. 48].

Пренебрежение укладом, заведенным предками, может вызвать распри. В ряде вариантов столкновения происходят именно из-за этого. Ярким примером является былина «Илья в ссоре с Владимиром», где герой угрожает князю и его семье:

А скоро натянуль бы я свой тугой лукъ,
Да клалъ бы я стрѣлочку каленую,
Да стрѣлилъ бы ты въ гридню во столовую,
А я убилъ бы ты князя со княгиною [16, с. 236].

В былине «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» Владимир предпринимает ряд действий, нарушающих установленные правила этикета: Илью располагают за последним столом, самым непочетным местом, с «малыми ребятами». Усугублением конфликта становится изгнание богатыря из города князем, сопровождающееся запретом появления в нем:

Ты не езьди ко мне больше в красен Киев-град,
В красѣн Киев-от-град не прослѣжай своего ты следочку-ту;
Удаляйся ты подальше ис чиста поля! [6, с. 192].

Русским богатырем эти действия воспринимаются как вопиющее оскорбление, потому что затрагивают честь и достоинство «института богатырства». Именно поэтому Илья впоследствии констатирует свою отчужденность от города («отказано уж от города от Киева») и родных просторов («отказан от чиста поля»). Город остается без покровительства и защиты богатыря.

Несмотря на возникшие разногласия и обиду, Илья проявляет благородство, остается защитником Земли Русской, идёт за нее сражаться [6, с. 194]. Герой принимает сторону народа, для которого родная земля *превыше всяких обид*.

Богатырь выходит на битву ради православной веры и страждущих, беря на себя ответственность за благополучие родной земли, что отчетливо видно в былине «Илья Муромец и голи кабацкие», где герой заявляет о своей миссии:

Я иду *служить за вѣру христіанскую,*
И за *землю россійскую,*
Да и за *стольніе Кієвъ градъ,*
За *вдовъ, за сиротъ, за бѣдныхъ людей.*
И за *тебя молодую княгиню вдовицу Апраксію.*
А для *собаки-то князя Владиміра,*
Да не *вышелъ бы я вонъ изъ погребѣ* [13, с. 1179].

Обращение исполнителя к образу княгини Апраксии в рассматриваемом фрагменте былины носит преднамеренный характер. Певец подчеркивает направленность богатырского негодования не против правящей власти, а против конкретного ее представителя (личная обида на князя Владимира).

Эти строки обнаруживают глубину обиды и демонстрируют способность богатыря её преодолеть ради общего дела, защиты страны. Именно то, что Илья защищает русскую землю и ее народ, а не князя, определяет истинный характер *народного героя*, заботящегося *не о личной выгоде, а о защите общих интересов*.

Мотивированность обиды былинного Ильи и героя А. К. Толстого разнится. Муромец в стихотворении возмущен личным оскорблением (на чем автором делается акцент: «Но обнес *меня* ты чарой // В очередь *мою*» [9, с. 121]), поэтому он обижается и самостоятельно покидает город. Толстой показывает неуважение личной чести (собственного достоинства). В этом плане толстовского Илью можно сравнить с западноевропейским рыцарем, для которого было важно понятие личной чести и ее защиты. В былинах Илья обижается на князя за посягательство на репутацию богатырской братьи:

Собирал он больше на князей да всё на бóяр же;
Позабыл в чистом поли могущих он богатырей,
Да он не дал им вестоцьки, скорых гонцев;
Некакого он богатыря да не почествовал [6, с. 191].

Илье важно восстановить справедливость за все богатырство. В былинах герой защищается от растущего дурного влияния со стороны князя и бояр в сторону богатырей. Неслучайно в былине «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» Илья называется не своим именем, он хочет проверить, как приметит князь богатырей:

Назовусь-то я Никитой всё залэшанин [6, с. 191].
Илья не ошибся, князь не радушно принял гостя:
Ай ведь не дал князь места по уму ему,
По уму-ту не дал места, всё по разуму:
Не посадил ёго Владимир-от не подлѣ себя,
Не посадил ево Владимир-от протів себя [6, с. 191].

Тем не менее, героем в былине движет не личная обида.

Центральным мотивом в стихотворении А. К. Толстого, формирующим ключевую мысль произведения, является неприятие героем придворной жизни и стремление к свободе. Толстой высмеивает интриги, характерные для придворных кругов и дворянства. Под влиянием глубоких переживаний и личной обиды Илья приходит к выводу, что ему нужно покинуть пределы Киева:

Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора;
Погулять по свету снова
Без того пора! [9, с. 121].

Эта идея получает дополнительное усиление благодаря последующему описанию интерьеров дворца, символизирующих замкнутость. Поэт показывает, что герою нелюбо среди двора, раскрывая отношение богатыря – крестьянского сына: в противовес комфорту и изобилию княжеского окружения народный любимец предпочитает пространство природы. Ему нужны свобода и раздолье:

Не терплю богатых сеней,
Мраморных тех плит;
От царьградских от курений
Голова болит! [9, с. 121].

Автор усиливает социальные настроения. В этих строках ключевую роль играет мотив воли. Благовония вызывают у героя недомогания. «Царьградские курения» выступают важной художественной деталью, с помощью которой Толстой также противопоставляет власть и народ. Привезенные из Константинополя дорогие благовония, используемые в высшем обществе, оказываются невыносимыми для богатыря. Илья – настоящий русский богатырь, которому духовно близки родные леса, поля, травы. Контраст замкнутости, ограниченности и открытого, свободного пространства создает оппозицию между двумя видами существования. Очень важны сравнение Киева с сундуком и появляющийся мотив духоты:

Душно в Киеве, что в скрине,
Только киснет кровь! [9, с. 121].

Герой хочет вырваться из этого «заточения», поэтому мотив воли снова выходит на передний план:

Государыне-пустыне
Поклонюся вновь! [9, с. 121].

А. К. Толстой развивает мотив свободы. Возвращение к природе – доказательство потребности в воле. С помощью уменьшительно-ласкательного суффикса подчеркивается простота и искренность стремлений Ильи и то, как ценна для него, а значит и для народа, свобода:

Вновь изведаю я, старый,
Волюшку мою [9, с. 122].

Трансформацию состояния героя иллюстрирует антитеза между замкнутым, душным пространством Киева и открытыми полями, лесами, степями. А. К. Толстой подчеркивает внутреннее освобождение. Только простор способен обеспечить гармонию и душевный покой. В стольном граде у Муромца кружится голова, застаивается кровь, тогда как свобода восстанавливает его эмоциональное состояние, улучшает настроение и меняет восприятие мира.

Монолог Ильи завершается, и поэту важно показать, как лирический герой оценивает героя *народного*. Богатырю важно находиться на просторе. Автор противопоставляет темный бор богатым сеням, мраморным плитам, а запах смолы и земляники – дорогим благовониям. Освобождение от принуждения и дискомфорта, связанных с пребыванием во дворце, оказывает влияние как на физическое самочувствие, так и на эмоциональное состояние Ильи. Как только герой высказался своему другу, вспомнил о воле, его напряжение ослабло. Разговор с добрым товарищем, свобода, ветер снимают ожесточение. А. К. Толстой вновь акцентирует внимание на простоте героя, подчеркивая его крестьянское происхождение. Княжеские пиры утомляют богатыря, они не привлекательны для него, в то время как «здоровый воздух» *свободы* приносит в душу спокойствие. Лирический герой отмечает, что воля дает богатырю чувство умиротворения, гармонии и внутреннего удовлетворения:

И старик лицом суровым
Просветлел опять [9, с. 122].

Заключение

«Илья Муромец» А. К. Толстого – это произведение своего времени, возникновение которого обусловлено использованием фольклорных образов и общенародных поэтических приемов. Традиционный образ богатыря получает иное осмысление в творчестве Толстого. Использованный автором былинный мотив ссоры богатыря с князем позволил отразить напряженную социальную атмосферу, бурлящие настроения той эпохи, в которую он жил, и продемонстрировать проблему взаимоотношений власти и народа, уходящую корнями в глубокую древность и развивающуюся по традиции. Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ позволил выявить трансформацию аутентичного духа былин и отметить своеобразие А. К. Толстого в подходе к осмыслению проблематики взаимоотношений подданных и власти. Выбор мотива ссоры, а не дружбы между богатырем и князем подчеркивает наличие глубокого социального конфликта. Стихотворение «Илья Муромец» неслучайно имеет такое название. Илья – это центральный герой, главный богатырь, имеющий народное происхождение, очень ценное для поэта. Лирический герой А. К. Толстого проявляет уважение, теплое отношение и любовь к этому былинному персонажу, несогласному с усмирением его вольнолюбия, ограничением свободолюбивого духа и с пренебрежением традициями почитания заслуженных героев.

Таким образом, в произведении А. К. Толстого, в сравнении с былинами, отражается *иная реальность* и *другое время*, но объединяют разные исторические времена ценностные мотивы, разделяемые народом вне времени, – *мотив воли* и *образ народного любимца – заступника*. Герой Толстого наделяется новыми качествами, востребованными значительной частью русского общества конца XIX в. А. К. Толстой, перерабатывая эпические тексты, трансформирует ключевые образы и мотивы для раскрытия актуальных его эпохе смыслов.

Литература

1. Королев А.С. *Илья Муромец*. Москва: Молодая гвардия; 2016:369. (Жизнь замечательных людей: серия биографий).
2. Карамзин Н.М. Илья Муромец. В кн.: Карамзин Н.М. *Избранные сочинения в двух томах*. Т. 2. Москва; Ленинград: Художественная литература; 1964:45–57.
3. Толстой А.К. *Полное собрание сочинений и письма: в 5 т. Т. 1. Лирика. Былины. Баллады. Притчи. Поэмы. Повесть в стихах: Оригинальные произведения, подготовленные А. К. Толстым для прижизненных собраний сочинений*. Москва: Редакционно-издательский центр «Классика»; 2017:752.
4. Стасюлевич М.М. *М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке*. Т. 2. Санкт-Петербург: Типография М. Стасюлевича; 1912:561.
5. Илья Муромец в ссоре со Владимиром. В кн.: Гильфердинг А.Ф. (ред.) *Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года*. Санкт-Петербург: Академия наук; 1873:458–460.
6. Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром: («Ай во славном было городи во Киеви...»). В кн.: Иванова Т.Г. (ред.) *Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А.В. Маркова*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин; 2002:191–196. (Памятники русского фольклора).
7. Илья Муромец и Соловей разбойник. В кн.: Гильфердинг А.Ф. (ред.) *Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года*. Санкт-Петербург: Академия наук; 1873:866–872.
8. Илья Муромец и Идолище. В кн.: Гильфердинг А.Ф. (ред.) *Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года*. Санкт-Петербург: Академия наук; 1873:22–24.
9. Толстой А.К. *Против течения: Поэзия, драматургия, проза*. Москва: СЛОВО; 2001:616.
10. Брюсов В.Я. К.Д. Бальмонт. Третья статья. В кн.: Брюсов В.Я. (ред.) *Далекое и близкое: статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней*. Москва: Скорпион; 1912:89–99.
11. Никита Заолешанин. В кн.: Бессонов П.А. (ред.) *Песни, собранные П.В. Киреевским*. Выпуск 4, дополнительный. Москва: Общество любителей российской словесности; 1862:46–49.
12. Ямпольский И.Г. А.К. Толстой. В кн.: Алексеев М.П., Бурсов Б.И., Добрынин М.К. (ред.) *История русской литературы: в 10 т. Т. VIII. Ч. 2*. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР; 1956:315–348.

13. Илья Муромец и голи кабацкие. В кн.: Гильфердинг А.Ф. (ред.) *Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года*. Санкт-Петербург: Академия наук; 1873:1175–1179.
14. Добрыня и Алёша: Былина № 64. В кн.: Горелов А.А. (ред.) *Былины: В 25 т. Т. 3*. Санкт-Петербург: Наука; 2003:298–303.
15. Костомаров Н.И. *Домашняя жизнь русского народа: утварь, одежда, пища и питье, здоровье, болезни, нравы, обряды, прием гостей, верования*. Москва: Эксмо; 2008:672.
16. Илья в соре с Владимиром. В кн.: Гильфердинг А.Ф. (ред.) *Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года*. Санкт-Петербург: Академия наук; 1873:233–236.

References

1. Korolev AS. *Ilya Muromets*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ.; 2016:369 (in Russian). (The lives of remarkable people: a series of biographies).
2. Karamzin NM. Ilya Muromets. In: Karamzin NM. *Selected works in two volumes*. Vol. 2. Moscow, Leningrad: Fine Literature Publ.; 1964:45–57 (in Russian).
3. Tolstoy AK. *The Complete works and letters: in 5 volumes. Vol. 1. Lyrics. Epics. Ballads. Parables. Poems. A Story in verse: Original works prepared by AK. Tolstoy for lifetime collections of works*. Moscow: Editorial and publishing center “Classics”; 2017:752 (in Russian).
4. Stasyulevich MM. *M.M. Stasyulevich and his contemporaries in their correspondence*. Vol. 2. Saint Petersburg: M. Stasyulevich’s Printing House; 1912:561 (in Russian).
5. Ilya Muromets is at odds with Vladimir. In: Hilferding AF. (ed.) *Onega Epics, recorded by Alexander Fedorovich Hilferding in the summer of 1871*. Saint Petersburg: Academy of Sciences Publ.; 1873:458–460 (in Russian).
6. The quarrel between Ilya Muromets and Prince Vladimir: (“Ah, in the glorious city of Kiev...”). In: Ivanova T.G. (ed.) *Belomorskie Stariny and Spiritual Poems: Collection by AV Markov*. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin Publ.; 2002:191–196 (in Russian). (Monuments of Russian Folklore).
7. Ilya Muromets and Robber Nightingale. In: Hilferding AF. (ed.) *Onega Epics, recorded by Alexander Fedorovich Hilferding in the summer of 1871*. Saint Petersburg: Academy of Sciences Publ.; 1873:866–872 (in Russian).
8. Ilya Muromets and Idol. In: Hilferding AF. (ed.) *Onega Epics, recorded by Alexander Fedorovich Hilferding in the summer of 1871*. Saint Petersburg: Academy of Sciences Publ.; 1873:22–24 (in Russian).
9. Tolstoy AK. *Against the Current: Poetry, Drama, and Prose*. Moscow: SLOVO Publ.; 2001:616 (in Russian).
10. Bryusov VYa. K.D. Balmont. The third article. In: Bryusov VYa. (ed.) *Far and Near: articles and notes on Russian poets from Tyutchev to the present day*. Moscow: Skorpion Publ.; 1912:89–99 (in Russian).
11. Nikita Zaoleshanin. In: Bessonov PA. (ed.) *Songs collected by P.V. Kireevsky*. Issue 4, additional. Moscow: Obshchestvo lyubitelej rossijskoj slovesnosti Publ.; 1862:46–49 (in Russian).
12. Yampolsky IG. A.K. Tolstoy. In: Alekseev MP, Bursov BI, Dobrynin MK. (ed.) *History of Russian Literature: in 10 volumes*. Vol. 8. Part 2. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ.; 1956:315–348 (in Russian).
13. Ilya Muromets and the tavern boys. In: Hilferding AF. (ed.) *Onega Epics, recorded by Alexander Fedorovich Hilferding in the summer of 1871*. Saint Petersburg: Academy of Sciences Publ.; 1873:1175–1179 (in Russian).
14. Dobrynya and Alyosha: Epic No. 64. In: Gorelov AA. (ed.) *Epic Poems: In 25 volumes*. Vol. 3. Saint Petersburg: Nauka Publ.; 2003:298–303 (in Russian).
15. Kostomarov N.I. *The domestic life of the Russian people: utensils, clothing, food and drink, health, diseases, customs, rituals, receiving guests, and beliefs*. Moscow: Eksmo Publ.; 2008:672 (in Russian).
16. Ilya is at odds with Vladimir. In: Hilferding AF. (ed.) *Onega Epics, recorded by Alexander Fedorovich Hilferding in the summer of 1871*. Saint Petersburg: Academy of Sciences Publ.; 1873:233–236 (in Russian).

Об авторе

Александр Владимирович Захаркин, старший лаборант кафедры русской классической литературы Института филологии ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», ORCID: 0009-0004-7424-1066, e-mail: zaharkin2000@inbox.ru.

About the author

Alexander V. Zakharkin, Senior Laboratory Assistant, Department of Russian Classical Literature, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, ORCID: 0009-0004-7424-1066, e-mail: zaharkin2000@inbox.ru.

Конфликт интересов / Conflict of interests

Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию / Submitted 26.10.2025

Поступила после рецензирования / Revised 21.11.2026

Принята к публикации / Accepted 02.02.2026